

ПРЕДЛАГАЕМ вниманию читателей интервью с нашим земляком, известным советским писателем Анатолием Пантелеевичем Соболевым, данное им при жизни и данное нашим внештатным корреспондентом из г. Белокурья Виктором АЩЕУЛОВЫМ.

В селе Смоленском на Алтае, где прошли детские годы писателя и где по его устному завещанию был предан земле его прах, состоятся вторые соболевские чтения, на которые приглашены писатели Алтая и Кузбасса.

— Анатолий Пантелеевич — наш земляк. Мы это и по книгам, которые написали, и по кишкам, поставленным по книгам. Расскажите, пожалуйста, о себе подроб-

но. Родился я в селе Кытмачево севернее Бийска, но мое детство прошло в селе Смоленском. В лето приезжал в Белокурье в пионерский лагерь. В моей повести «Грозная степь» есть описание того, когда отец нас вывел в степи (он по разделам, помню, ехал в тележке) и говорит: «Что здесь без толку пацаны делают, а что бы нам не организовать для них пионерский лагерь в Белокурихе, и тогда бы крестьянские дети отдыхали здесь?!» Это было начало 30-х годов, и вот приехал в 1933 года я стал бы в Белокурихе каждый вместе с остальными ребятами из села Смоленского.

Поскольку отец мой был первым секретарем райкома партии, то строительство райкома шло под его руководством. Отец частенько ездил в поездки по району и брал с собой. О своем детстве я написал в одной из первых повестей «Грозная степь». Она посвящена событиям того времени: в деревне звали первые пионеры, и отец был одним из организаторов. Я хорошо помню как горел подожженный райкомом Советской властью райком партии. Это произошло ночью. Двухэтажное здание райкома было как раз над нашим домом. Помню как отца отравили газом, и только благодаря железному здоровью остался жив. Муку, отравленную мышьяком, продавали в магазине я, а так как я был сыном секретаря райкома партии, то и подсыпал мышьяк. Помню я и о том, как снимали крест с отца, а как стреляли в того отца, который это делал, и о гибели мальчишеской пары. Выпало. Стреляли два человека, об этом я узнал через много лет. Сейчас этот человек живет в Ульяновске, полковник в отставке.

Он пишет, что вспоминал он и что в него стреляли, а тех людей потом казнили и судили. Я написал письмо, что, к сожалению, повесть уже написана, и раз переиздана и у нас в стране, и за границей, и высылать ее я уже не могу. Это вторая моя повесть, первая была «Безумству храбрых», которую я посвящаю отцу.

— Как вы стали писателем? — Лет двадцать пять назад я жил в Белокурихе, отдыхал как говорится, дикарем. Жил у одной старушки, которую все звали Саватеевна. Там же тогда была старая, и сейчас, видимо, в живых ее нет, но на том месте, где был домик, построена центральная котельная. И вот, когда я жил у нее на квартире, был написан мой первый рассказ. Он так и называется «Саватеевна».

Я инженер-металлург. Закончил Сибирский металлургический институт. Несколько лет работал на заводах Урала и Сибири, в мартеновских цехах, где начинал со слесаря, а кончил механиком цеха. Вот такая моя карьера. Потом вернулся по состоянию здоровья в институт, пригласили меня преподавать на кафедре механического оборудования металлургических заводов в Новокузнецке, где я проработал восемь лет. У меня много выпускников, которые закончили дипломы под моим руководством и сейчас работают в разных концах страны по профессии металлург-ме-

Его имя носят улицы в городе-курорте Белокурихе и в селе Смоленском. Готовится к открытию дом-музей писателя. На месте захоронения будет установлен мраморный памятник.

В 1990 году в Алтайском книжном издательстве выйдут избранные произведения А. Соболева.

Думается, что живое слово писателя вызовет несомненный интерес всех, кому дорого это имя.

лось поднимать со дна затонувший знаменитый корабль «Юрий Долгорукий». Это бывший немецкий лайнер «Гамбург». Немцы в апреле 1945 года потопили его, а в 1950 году мы его поднимали в Восточной Германии. Это был суровый, длительный подъем, восемь месяцев работали. Много книг у меня посвящено морю. Ну это естественно, я достаточно много плавал по океанам и разным морям. Книга, которая пишется сейчас — «Якорей не бросать», тоже о море.

— А что вы скажете о героях ваших произведений?

— Основной герой у меня

был рассказ «Три Ивана». О трех Иванах мне рассказывала моя жена, она тоже член Союза писателей СССР Галина Георгиевна Васюкова. Она во время войны была угнана еще девочкой с оккупированной территории Белоруссии в Восточную Германию и почти четыре года была рабыней. Немцы заставляли работать таких вот малолеток на заводах, на полях, или в прислугу отдавали. Она эту работу и исполняла. В 1945 году была очевидцем, когда немецкие мальчишки расстреливали наших троих военнопленных. Случай меня потряс, потому что дети расстреливали взрослых. Это как раз и есть лицо фашизма, страшное лицо фашизма. И я написал такой рассказ, но каждому из героев мне нужно было придумать биографию. Я их просто назвал «Три Ивана», так как немцы нас во время войны звали иванами, а мы их звали фрицами. Три каких-то неизвестных Ивана, русских человека, но каждого из них я надеялся какими-то особыми чертами. Допустим, старик (имен у них нет), один из них одноухий — такое ранение, третий был молодой, синеглазый мальчишка. И когда старик вспоминает свое село, то он вспоминает опять-таки село Смоленское.

— Над чем вы думаете работать в ближайшее время?

— У меня есть задумка — две повести, очень сложных, и один из героев опять-таки с Алтая. Называется эта повесть «Искупление вины». Герой будет родом отсюда. Это будет война, это будут очень сложные события. Повесть почти написана, но еще не отделана, ну, может, где-то через год я ее наверняка завершу. Другая повесть будет касаться конца войны, действие будет происходить в Восточной Пруссии. Это тоже очень суровые события, когда фашисты ожесточенно защищали город Кенигсберг, и очень много легло наших солдат при взятии и штурме этого города. Эти события действительно. Но мне, конечно, приходится через много-много лет что-то домысливать. Ну и задача закончить роман «Якорей не бросать».

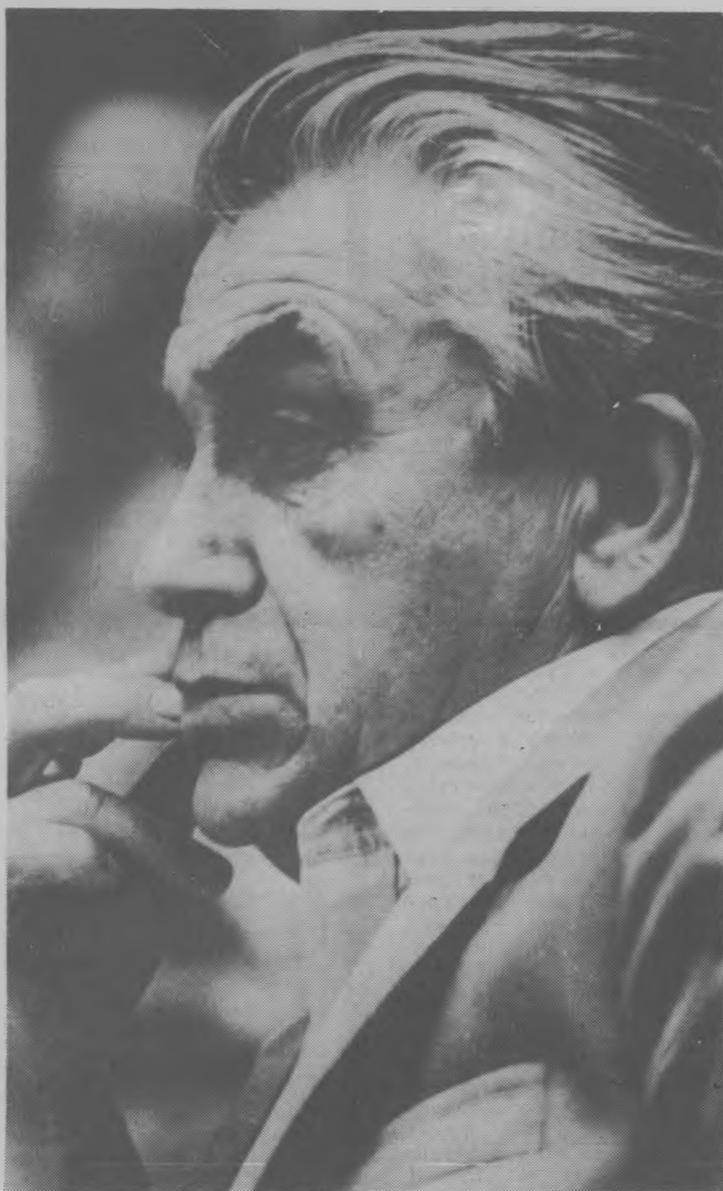
— А дальше есть такая мечта: писать книги для детей. Мне эта работа нравится. Работа эта очень сложная, может быть, даже труднее, чем писать для взрослых, но об этом еще Лев Николаевич Толстой говорил, что для детей писать труднее, но в то же время это нужно.

— Анатолий Пантелеевич, скажите, а «Грозную степь» отец успел прочитать?

— К моему сожалению, нет. Все написано после него. Он даже и не знал, что я стал писателем. К повести у меня поэтому есть эпитафия: «Памяти отца-большевика». Но самые первые свои вещи, какие-то штучки, я начинал писать при его жизни. Он мне однажды, помню, подарил амбарную книгу, разграфленную, толстую и сказал (догадывался, что я пишу): «Пиши, может, и правда что-то получится?!» «Грозная

ПРИТЯЖЕНИЕ РОДИНЫ

Анатолий СОБОЛЕВ: «И это закономерно, когда писатель придает своему герою свои чувства, свои эмоции, свои воспоминания о родных местах. Это неисчерпаемый источник».

ушки. Вот кстати, когда я всегда человек, корни кото-

а в том месте, где был домик, построена центральная котельная. И вот, когда я жил у нее на квартире был написан мой первый рассказ. Он так и называется «Патеевна».

Старушка меня очень порадовала своим характерно-народным, своей крестиком какой-то жилочкой, своим разговором великопесчаным сибирским. Она, допуская, рассказывала мне, как в первый раз была в море и больше туда не ходит. Я спросил ее: «Почему?», а она сказала, что там показывали быка. Видимо, журнал «Сельскохозяйственный», и я пошел прямо к краю, а она сказала. И у нее сердце умерло: а вдруг он упадет в зал?!

Почему я стал писателем? Конечно, наверное, на этот вопрос ответить. Где-то такая жилочка была, что-то мне хотелось выразить, рассказать о тех событиях, которые я знал, ну, допустим, о войне. Мало написано у нас о войне, я практически единственный человек, который пишет об этом. Ну, а с другой стороны, видимо, я имею право об этом писать, потому что семь лет был водолазом и около трех тысяч часов провел под водой. Это довольно-таки сложная работа, суровая и более того, очень опасная: в любой момент водолаз может погибнуть во время спусков, и хотя мы не считали себя героями, но если бы посмотреть теперь с высоты своих, что же, лет, думаю, что мы делали героическую работу. И поэтому в повести «Награде не подлежит» мне хотелось рассказать о судьбе вот такого водолаза, который внешне совершенно не героический, но выполнил свой гражданский долг перед Родиной. Хотя его судьба потом сложилась трагически, все же в нем была вера в жизнь, и он дошел до наших дней этот порядокным человеком! А это так важно — остаться нравственно чистым человеком! Вот такого человека мне и хотелось показать в повести.

Ответить же на вопрос, почему я стал писателем, просто затруднительно. Видимо, у каждого писателя рождается что-то вместе с природой. У меня совсем другая профес-

саник. Вот, кстати, когда я работал в институте, я и начал писать. И рассказ «Саватеевна», о котором я говорил, написан, когда я был преподавателем СМИ.

С 1968 года я на профессиональной писательской работе. В 1963 г. участник Всесоюзного семинара молодых писателей. В 1963 г. на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу для детей повести «Грозная степь» присуждена вторая премия. В 1967 году на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу по военно-патриотической теме в честь 50-летия Октября повести «Тихий пост» присуждена первая премия.

Книги переведены на польский, немецкий, сербский, лужицкий, албанский, македонский, болгарский, латвийский, украинский, киргизский, армянский, алтайский, чувашский языки.

Первая книга «Безумству храбрых» вышла в 1963 г. в Кемеровском книжном издательстве. Впервые повесть эта под названием «Чайки над морем» под псевдонимом «А. Сибиряк» была опубликована в газете «Кузбасс» в 1961 г. Настоящую фамилию свою поставить робел...

Когда работал в Сибирском металлургическом институте, ночами вместо диссертации написал повесть «Безумству храбрых...». Там же, в Новокузнецке, был написан и «Бушлат на вырост», который можно считать первой частью «Тихого поста», или, наоборот, «Тихий пост» считать продолжением «Бушлата на вырост». Дело в том, что создавалось это как единое целое. Но издательство «Молодая гвардия» потребовало отсечь последнюю главу книги, что-то смущало их. Неопытный тогда автор, не умеющий постоять за себя, я отсек последнюю главу, а уж потом она превратилась в повесть «Тихий пост».

—Море — одна из главных тем вашего творчества?

—Юность моя прошла на море: семь лет служил на Севере, в Заполярье, и закончил свою службу на Балтике уже после войны. Мне при-

ше всегда человек, корни которого уходят на Алтай. Все главные герои — моряки. Допустим, служат они в Заполярье, воюют там, а памятью возвращаются в свои родные места, именно в мои родные места. Видимо, это у каждого писателя так. Взять Виктора Астафьева. Он обязательно пишет о Енисее, своем селе Овсянке, но все равно чувствует, что человек оттуда, он волей-неволей возвращается к своим родным местам. Если брать Евгения Носова, то в его произведениях Курская земля, его родная земля. Валентин Распутин пишет о местах где-то возле Иркутска. Если у Василя Быкова герой что-то вспоминает, то вспоминает о Витебщине.

Это закономерно, когда писательвольно или невольно придает своему герою свои чувства, свои эмоции, свои воспоминания о родных местах. Это неисчерпаемый источник впечатлений. Чаще всего я пишу о том, что сам подоплинно знаю, о событиях, в которых сам участвовал непосредственно, на своей шкуре испытал. В повести «Пятьсот веселый» повествуется о том, как я вез своего раненого друга в 1943 году, хотя это тоже художественное произведение, там есть и вставные герои, в том числе Катя. Когда у меня спрашивают, где Катя и так далее, я всегда отвечаю, что, увы, Катя — вымышленный персонаж, а все остальные события, которые происходят в этой повести, происходили со мной: и с крыши я падал, и отставал от поезда, еле-еле его догнал и всё же спас этого человека, и его действительно зовут Валентин, фамилия его Скудин. Я с ним через много лет действительно встретился на вокзале.

—А писали ли вы о событиях, участниками которых не были?

—Иногда я от этого правила все же отступаю. Допустим, мне могут что-то рассказать люди. Так написан

рассказ при его жизни. Он мне однажды, помню, подарил амбарную книгу, разграфленную, толстую и сказал (догадывался, что я пишу): «Пиши, может, и правда что-то получится?!», «Грозная степь» одна из моих любимых, может быть, самая любимая книга. Она экранизирована. Ленинградская телестудия в 1967 году поставила фильм, вернее, телефильм небольшой, примерно на 45 или 50 минут. Кроме того, эта повесть еще на сцену перенесена в Московском центральном детском театре, в 1966 году была премьера под названием «Сыновья идут рядом». Потом пьеса шла в нескольких театрах. Телефильм поставлен по рассказу «След стакана». События происходят в Иркутске, речь идет о том, как украли картину великого французского художника Н. Пуссена «Избрание апостолов». Вот эта живописная картина в 1920 году исчезла из Иркутского музея. Фильм «Избрание апостолов» сделала Новосибирская телестудия. Есть еще фильм, который называется «Письмо из юности», снятый по моей повести «Какая-то станция», где события происходят на севере, в Карелии. Это о водолазах. Фильм снят в 1974 году режиссером Юрием Валентиновичем Григорьевым, прекрасным режиссером, который поставил фильм «Праздники детства» по шукшинским рассказам. В 1978 году вышел фильм под названием «Посейдон» спешит на помощь» экранизация по моей повести «Штормовой пеленг», даже наоборот, сначала был фильм, а потом я сделал повесть, так как в фильме не все можно было показать.

—Анатолий Пантелеевич, героев своих произведений вы возвращаете на Родину. А думаете ли сами вернуться на Алтай?

—Со временем, может быть, и вернусь. А пока меня ждет работа, и я, отдохнув у вас на курорте, снова возвращаюсь к себе в Калининград, где меня ждет рукопись нового романа «Якорей не бросать»...А сюда, на Алтай, меня тянет, ведь это моя Родина, где все связано с детством